

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Дело всей жизни

«12 мая (1942 г. — *Сост.*) то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму¹, войска Юго-Западного фронта, упредив противника, перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно <...>. Но уже 17 мая ударная группировка противника в составе 11 дивизий армейской группы генерал-полковника Клейста перешла в контрнаступление из района Славянск, Краматорск и, прорвав фронт обороны 9-й армии, начала серьезно угрожать 57-й армии Южного фронта, а затем и ударной группировке Юго-Западного фронта. <...>

С утра 18 мая обстановка для наших войск на Барвенковском выступе продолжала резко ухудшаться, о чем я прежде всего доложил Верховному. Часов в 18 или 19 того же дня мне позвонил член военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущев. Он кратко проинформировал меня о обстановке на Барвенковском выступе, сообщил, что И. В. Сталин отклонил их предложения о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об этой их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом и что, ссылаясь как раз на противоположные донесения военного совета Юго-Западного направления, Сталин отклонил мои предложения. Поэтому я порекомендовал Н. С. Хрущеву, как члену Политбюро ЦК, обратиться непосредственно к Верховному. Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным через Г. М. Маленкова состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении наступления.

19 мая ударная группировка противника, действовавшая на Барвенковском выступе, вышла в тыл советским войскам, и только тогда Тимошенко отдал, наконец, приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков и использовать основные силы нашей ударной группировки для ликвидации прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии. Верховный утвердил это решение.

Но, к сожалению, состоялось оно слишком поздно: три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери».

<...>

«Утром 12 декабря (1942 г. — *Сост.*) я находился в Верхне-Царицынском. Там мне стало известно, что на фронте 51-й армии после короткого артиллерийского обстрела позиций 302-й стрелковой дивизии, оседлавшей железную дорогу Котельниково — Сталинград, и 126-й дивизии, оборонявшейся несколько восточнее, гитлеровцы перешли из района Котельниково в наступление. <...>

Вместе с членом военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущевым, находившимся также в Верхне-Царицынском, мы поспешили на реку Аксай-Есауловский, к станции Жутово, чтобы уяснить на месте обстановку.

Надо сказать, что Н. С. Хрущев на тех фронтах, где я был представителем Ставки, он, как член военного совета этих фронтов и член Политбюро ЦК партии, всегда держал со мной самую тесную связь и чуть ли не всегда выезжал со мной в войска. И в тех случаях, когда Ставка вызывала меня и командующего фронтом в Москву, а командующего фронтом (где он был членом военного совета) и его не вызывала, он не раз обращался ко мне с просьбой позвонить И. В. Сталину и попросить разрешения лететь вместе, так как у него имеются срочные и важные вопросы в ПУР к А. С. Щербакову. И. В. Сталин всегда такие разрешения давал, и мы улетали в Москву и возвращались вместе.

Хорошие отношения были у меня с Н. С. Хрущевым и в первые послевоенные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И. В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах² и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом военного совета ряда фронтов, Н. С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой.

